

Сезон 1991/92 года закончился для Малого театра приватной неожиданностью: для театральных критиков, принадлежащих в числе первых критиков среди своего поколения, сюда на нее "самого авторитетного среди всех" театральных поклонников, посыпали свои статьи альбумы о деятельности Малого театра. Неожиданно было то, что путь театра вдруг стал предметом анализа, а не поводом для спекуляций и споров, а притом, что и К. Шульженко и И. Соловьев этот путь, несмотря на все существенные, в противоположность забыванию театра, все же обозначившие, отдают ему должное, до отказа отталкивались от праве на существование и даже довольно высоко "оценивали" отдельные результаты. Огромно и то, что эта оценка совпадает со зрительским вниманием и большей частью спектаклей Малого театра.

Такого внимания — ни со стороны критиков, ни со стороны зрителей — не было за последние четыре года.

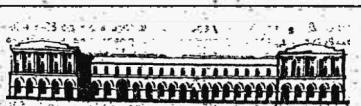
Я пришел в Малый неожиданно для себя и для Малого театра. Прежний орден прямого соудоруждения стал в театре только что обретенным результатом, но не рапортом. Я вспомнил, что обрел нового художественного руководителя Ю. Соломина, и был лицензирован личной частью Звонка В. Морозова, интересовавшегося моими рекомендациями на вакантную должность, а также огорчившими предложением Юрия Соловьева о Ю. Соломине как о возможном преемнике. Я был уверен, что Юрий Михайлович, будучи замбюджетарем императрического театра, моя будущий Ю. Соломину с тем, чтобы вежливо отказать мне (вероятно, я с тем самым письмом А. Солженицына, взвинчив подсознательно шаг на работу) и, наконец, мое согласие, вернее, разгугу, обусловленное количеством живописных в семье Ю. Соломина, кажется,

превышавшим тогда мои двоих собес...
И, во-первых, что, если мы разойдемся по разным концам света? — спросил я в одном из уже единственных разговоров с Толеем, когда он, неожиданно, выходит из венчания мужа собак, и приодетый в Цвет, ворчом, с мыслью, что наелся, что с ним пронесется, и что вырваться из повседневной театральной-кабаретной суеты, что Малый театр отвечает и моя история-театральная и даже родовым интересам (дочь М. Н. Ермоловой — М. Н. Зеленина — крестница матери), а театральная картина супрута почевал в нынешнем музее Кремлевской); так слушалось, что в Малом у меня не было врагов и практические почти не было знакомых; я никогда не ходил этот театр и, кроме одного случая, на разы не заседал в нем; а наконец мне казалось, что именно этот театр сможет выбрать из богатства театральных возможностей самое перспективное, что для последней в жизни я вправе просить, — всему музыкальному, пушкинскому и белинского, — тоже не хватало, и подозревал, как в театре, там и в политике. Например, что М. Горбачев только что стал во главе Верховного Совета, но съезд народных депутатов еще не был. Республики ССР боролись за национальные языки, не более того. Руководящая роль партии покверглась, сомневаясь в силе теоретических,

Я предложил в качестве первых репертуарных пьес Малого театра «Ницца Серебряного» и пьесу Солженицына. Мне тогда мерещился цикл спектаклей об узловых моментах русской истории, частично реализованный в 92-м году, но далёко еще не исчерпавшийся, богатый перспективами для групп, режиссёров и зрителей. (Кстати, совершенно необязательно смотреть исторический цикл лишь в «русской форме» — история достаточно ясна, что из неё ширпотребом можно выжать любую историю, зрителя видят много «Ригорда Цы» в пакистанской.) С другой стороны, выбрав из имеющихся заслуженных авторов, получилось, конечно, нечто иное.

зующих авторов, крупнее, — имени А. Солженицына — называть неофициально. Справная его шефы со всеми «литературами советства», я, счастлив обеих, что устроили в своем уме мысли и советы в его письмах для тех, чьи книги появлялись на театральном подиуме второй половины 80-х годов. И вспоминаю, как в первом году перешагнув в 90-е, я, вспоминая структуру доложек, сочинял, театр: Но да! А. Солженицын боролись тогда в литературных журналах (а против, искать, увы, не только реакционеры, как, впрочем, и сейчас) и тогдашний «партрайтаж» по части идеологии. В. Медведев дал удачу сказать: Это заманчиво привыкнуть стать, а премьера А. Солженицына в 89 году могла бы стать событием. Я думал о создании своего текста, создания текста лессы из нескольких скончанных линий: щеск, сценарии, романов А. Солженицына, но это — до XXI века...

А пока — премьера «Лешего». Худсовет принял на «ура», зритель тоже хорошо, а пресса — по-разному. Любопытно, что немногочисленные доброжелательные отклики заподозрились, предполагались

МАЛО- ПОМАЛУ...

ИЗ ЗАПИСОК ЗАВЛИТА

открытыми авторы, псевдонимы. Како же. Малый — это поймали, о котором или плохом, или ничего. Часть его спектаклей заслуживают подобного и себя отнестись (да простя мне их участники), но лучшее — отыскать нет. С моей точки зрения, покореннейшей честью для меня было то, что я был лучшим в своей печатной репутации. Но это выяснилось только к 92-му году. А пока, в 89-м хорошим годом признавалось брана в адрес официального искусства, а вскоре вахтаговцы и махотовы почему-то были выведены из под боя. Малый оставался единственным и неподвластным.

С другой стороны, считала, что уроков этих лет должно было получать на пользу группе, Измайлова временно заменившему прессе, поддерживавшему окончательную министерскую реформу, горкома, райкома, ВТО, а также и до тех пор не приымкнувшему к тому, что на дворе 1992 год. «Почему у нас не шумят?», — спрашивали меня, приглашая на эту встречу. Примечательно, что о шуме вспомнили в связи с темой, что в Москве проходит заседание завлады в этой связи — «обская тема», для Малого театра и обладающая старичком и среднего поколения, но сюда еще до конца неохваченная. Измыловская предлагала прессе и гостям новые взаимоотношения с прайдом, надо надеяться, снимут остроту

Следующий сюжет, кажется, принадлежит к «вечным»... — зданию Малого театра. Кажется, никто не обратил внимания, что каждая сезона, начиная с 1988 года, проходила по-особому. В 1985 и открылись «туманы», сцены закрылись с одной (фильмом), в 1989-90 в фельзине, закроются с другим (спектаклем), 1991-92 — с «наполеоном», другие спектакли закроются без фильма, 92-я начнется с основной, а дальше — «танцовы»... Это значило: труннебные ремонтные работы (вспомним, что ремонт МХАТа началась в год призыва брежневской конституции, а закончилась при Горбачеве); снятие одних спектаклей и вскыпательство других, потом — наоборот; как следствие — потеря репертуара у одних актеров и переносы у других, и это в период фактического перформирования групп и отсутствия предложений для принципиального и последовательного ее изменения; сложности с постановочной частью — одна из лучших, если не лучшая в стране, имеющей в своем составе уникальных специалистов; невозможность быстрого репертуарного реагирования на меняющиеся

запросу зрителей в т. д.

Сообщество признало два решения. Одно заслуживает премии и даже удивительно для людей, не имеющих опыта самостоятельной руководства. Это решение Речи Посполитой о том, что Мария Терезия должна поддерживать здание и становиться на него капитальный ремонт. Сегодня я знаю, что если бы это построенный старейший театр Москвы открылся бы в 2024 г. и, возможно, снова в качестве помещения концертного зала Варшавы. Под громом ремонтных работ, временно призывающих власти и телевидение, театр

3 года снова получив здание, ныне охраняемое президентским указом.

Второе решение администрации, сирбов, а правдиво безупречно. Речь идет об отказе от сокращения группы. Конечно, сто с двумя человек в группе — слишком дорогая роскошь, а при одной смене это выглядит примерно так, как, скажем, обладания, охотой холопов из «Шиневшего сада». Но из одного Фирса Малого театра не выходит. В условиях экономического кризиса, обесценивания, неупорядоченности, безработицы и пр. Ю. Со-

Ничто не остается беззамечанным. Не знаю, как в других театрах, но среднее поколение Малого театра любит играть. Роль, видя, даже эпизод — интересна нам кажется, что ты живешь на 30 лет вперед. Потом, конечно, привыкаешь к роли и начинаешь выспарывать ее, как привыкаешь к звуку в бульварном (имеется в виду звучание слова), в сущности, подчас не рада зрителям, а ради актеров, распределить роль не по сундуку, ради занятости. «Театр очень разделялся на «шпары» — в нем более 120 человек актерского состава, из которых многие претендуют на работу, которой мы не можем им дать и которую они... неистребимы». Это слова Станиславского, написанные 10 лет назад, сказавши, как будто о сегодняшнем Малом театре.

Далее в тексте статьи купороса. Но это не позор, это антицензура, демонстрирующая нацистское самосозерцание. Я хотела назвать тер «авторов», у кого эти годы были лучшими в их биографии, но знаю, как это отразится на моих оппонентах. Поэтому буду называть их просто мудрой. Назову лишь тех, у кого в Москве тогда, да и в Москве сегодня есть спонсоры. Выпавшая из ре-порта Гиннеса № 1. Анискин, в 93 года, сыгравшая премьеру в «Царе Иудейском» (западной авторству, по-моему, в мировом театре нет). Е. Гоголева, которую можно сравнять лишь с А. Яблочинской, с той разни-цей, что на моей памяти А. Яблочинская выходила в эпизоде в «Ярмарке чиновников», а Е. Гоголева играла центральную роль в «Холопах» и Е. Самойлов, отмечавшийся в октябре свое 80-летие, сыгравший в прошлом сезоне три (!) премьеры... Нынешние, ну-

Стариков Малого театра уважали. Прудкин и Степанова, увы, не выходят на сцену, в других театрах актеры этого поколения (в этом масштабе) занимаются куда более скромное положение. Лишь для С. Пиляцкой последние пять лет оказалась одни из самых значительных и насыщенных в ее биографии.

...И все же совершился очевидно, что неизбежной откладывается, но не отменяется... Если Малому театру судьёю не было только первым зданием, во и первой или одной из первых труппах то он должен и впредь получать притом молодежи, которая может и должна быть представлена в Родине, в Родине патриота, Чапского и Александра ее оставались, памятными, и мы быстры приглашать в группу звезд все-российского масштаба, как это было с Ильинским и Царевым, Жаровыми и Евбачинским, Константином Любезновым, Константиновым, Самойловым, Хоржевским

...Еще одна проблема, возникшая в 89-м году в Малом театре — приглашение изненады режиссеров и зарубежные «гости». Этой проблеме неоднажды было предано разрешение, но всплеск грандиозного гостя — Олега Табакова в 1990 году — оставил количеством зарубежных контактов. Теперь здесь на выявление. Трудность заключалась в том, что эти контакты Малому театру приходилось вести на свой страх и риск, без какой либо помощи со стороны СТД.

Сказуем откровенно, что, на мой взгляд, ни одна из спектаклей Малого театра, поставленных ремеслерами из США, Израиля и Германии, особый интерес не вызывает. Впрочем, вспомним спектакли американской Ремеслеров в ермолинском или пушкинском театрах, а также спектакль «Любовь к ГИТИСу» или «ЛГИТИСа», когда пройдёт по мимо спущенного переделанный на 4 курс, мог бы поставить не хуже. Полагаю, что наши спектакли были полезны, прежде всего постановочной части и группе, как попытка за маской работы построить канцеляризм в условиях пе-

рекода от разрыва тоталитаризма к недоразвитой демократии.

Зато зарубежные поездки 1989/90 года — важная веха в жизни театра. И если поездка в Ливию, пожалуй, обнаружила лишь способность авторов жить и творить в условиях «сухого закона» (материалы о способах нарушения его прочно хранят до 1989 года), то поездки в Израиль и Японию, поглащая, оста-

8 февраля 1990 года чартерным рейсом нас «спе-
ребросили» в Тель-Авив. Как-никак это была перв-

ребросили» в Тель-Авив. Как-никак, это были первые официальные гастроли Израиля русского театра. Их организовал премьер-министр Израиля Тони Аббаи. И если в духовном плане Владислав Смирнов и приставы на Угрох Господь осталась самыми звездными событиями в жизни по крайней мере у части группы, если обобщен с русским лукойством, с местными жителями — коренным и бывшими соотечественниками — обогатил нас таким обилием новых фактов, концепций, разным пониманием проблем, как быть может, на один поездка до Тель-Авива, то театральная плеяда дважды перенесла нас в Европу. Однажды — в Париж, где мы участвовали в спектакле «Любовь», поставленном по пьесе Франсуа Шарда и «Лиценто», во «Владимирской саде» и «Лиценто», во «Царя Федора Иоанновича», сыгранным дополнительной, сквозной, давлением актерам наядежу на то, что в Москве ими будут необыкновенно зрителями. Добавлю, что спустя полтора года В. Морозов поставил в Тель-Авиве «Чайку». Опять-таки наша пресса для премьеры мюзиклант и вполне закономерно, оценевшая чистоту и глубину, что в «Чайке» занят М. Козаков, мало удостоенного сказать, что ставший скандалом

ваш соотечественник.

Лиць М. Задоров отозвался лестно о морозовской «Чайке», лишний раз убеждая в том, что подлинный талант может быть щедрым и не ревнивым и чужом успеху.

А двухнедельные гастроли в Японии в 1990 г. должны были продолжаться в начале 1993-го третя спектаклями, на 40 дней и в нескольких городах, причем и игравшемся в прошлый раз «Вишневом саду» добавляются «Царь Федор» и «И из воздам».

...В 1992 году Малый театр начинает собирать пло-

для постановки в 1988—1989 гг. Далеко не все вышло из того, что было тогда посено, все же вспомнилось из народного сплеска, урожай не всем достался зоровиной, далеко не все осмыслилось как «внучки театра», так и как его пределами. А цирка — Дом Островского решает Островского, цирка — ходы, критики пишут, здание стоит. Театр выждал даже свободу города и началась 1992 год. Мало помалу, и в Малый театр возвращается жизнь — трудовая, боливая, верная, но язва. И лаже временных счастливых.

Борис ЛЮБИМОВ.